

Родной берег
В ПОЭЗИИ
Роберта Рождественского

© П. Л. ЧУЙКОВ

Статья представляет собой лингвопоэтический анализ нескольких стихотворений Роберта Рождественского, созданных им на протяжении всего творческого пути. Предметом изучения является образ «родного берега» поэта. Берег в данном случае рассматривается не только как край земли у воды или часть суши. Мы пытаемся философски осмыслить, что и кого подразумевал автор под этим словом.

Ключевые слова: Рождественский, стихотворение, поэт, образ, «родной берег», Родина.

The article presents a linguistic poetic analysis of several poems by Robert Rozhdestvensky, created during the whole career. Object of study is the image of the «native shore» of the poet. Shore in this case regarded not only as the land near the water or part of the land. We are trying to philosophically understand what the author meant by that word.

Key words: Rozhdestvensky, poem, poet, image, «native shore», Homeland.

Роберт Иванович Рождественский (1932–1994) – поэт-шестидесятник, входивший в «великолепную пятерку» собиравших стадионы поэтов, таких, как Вознесенский, Евтушенко, Окуджава, Ахмадулина, публицист, переводчик и автор многих стихотворений, ставших любимыми песнями («Город детства», «Огромное небо», «Где-то далеко», «Ноктюрн», «Эхо любви», «Только тебе...» и др.). Композитор Оскар Фельцман вспоминал, что содружество с поэтом открыло перед ним новые философские горизонты. Таким глубоким, можно сказать, философским звучанием наполнен у Рождественского образ *родного берега* в знаменитом стихотворении «Где-то далеко...», ставшем песней из «Семнадцати мгновений весны».

Образ *родного берега* в различных вариантах появляется во многих стихотворениях, написанных Рождественским начиная с 50-х годов XX века.

Так, в стихотворении «Возвращение» он описывает свои впечатления о вновь увиденном после четырнадцати часов полета: «...упасть в траву, / услышать, как растет она. <...> / Ослепнуть вдруг / от грянувшего пенья птиц» [1. С. 41]. Важно то, что, снова встретившись с родным городом, автор делает открытие: «Как мог я думать, / будто понял / жизнь?...» [С. 42].

В данном случае перед нами не просто пейзаж. Природа родных мест заставляет поэта взглянуть на мир по-иному: *услышать*, как растет трава, *ослепнуть* от пения птиц.

И вдруг понять,
что через полчаса –
то,
чем ты жив:
твой город.
Твой порог.
Твоя судьба –
начало
будущих дорог [С. 42].

Автор с нетерпением ждет встречи с Москвой, с любимой, стремится «К Москве. / К тебе...» [С. 42].

Образ *родного берега* неразрывно связан с мотивом странствий. Отсюда и часто встречающаяся тема дороги. Например, о том, что судьба поэта – «начало будущих дорог», говорит еще одно раннее стихотворение – «Выбор»: «... но если есть выбор, / то я выбираю – дорогу!» [С. 12].

В произведении «Оттуда» в роли *родного берега* для поэта выступает его семья – жена и дочь:

Ты
 тоже
     материк!
 Разбуженная глубь...
 Я вечный твой
                     должник.
 Я вечный твой
 Колумб [С. 122].

Образ Колумба вызывает ассоциации с открытием новых берегов. Как и в «Возвращении», поэт снова открывает для себя в отношениях с любимой что-то ранее неизвестное:

И вновь открыть
 тебя.
 Открыть –
     как умереть.
 Блуждать
     без сна и компаса
 в краях
 твоей земли...
 И никогда
     не кончатся
 открытия мои [С. 122].

В другом стихотворении *родной берег* – это уже целая планета, автор так и назвал его – «Планета друзей»:

Она появляется –
 чудо мое зоревое,
 глаза
     застилает.
 Величием дышит безмолвным.
 Она проплывает
     в густом голубом ореоле [С. 127].

Эта *земная, добрая* планета ассоциируется у него с чем-то исключительно хорошим, спасительным: «Ночная река / источает целебный холод. / Проходит лето. / Проходят ссоры. / Беды проходят» [С. 128].

Тема дороги и поиска *родного берега* прослеживается также в стихотворении «Кочевники», посвященном Ч. Чимиду:

Я знал давно,
 я чувствовал,
                     что корни
 мои –
 вот в этой
     пепельной земле... [С. 142].

Неизбежность странствий, желание путешествовать для него – в крови: «Я сын дороги. / Самый верный сын...» [С. 143].

Автор путешествует не только в пространстве, но и во времени: в прошлом он оставил дорогие для своего сердца воспоминания, о чем говорит-ся в стихотворении 60-х годов «Взял билет до станции Первая любовь»:

Там, на этой станции,
вершина была.
 Теплая вершина.
 До самых звезд. <...>
 Встал я у подножия
Первой любви.
 Пусть не поднимусь уже –
 так посмотрю [С. 172].

Это стихотворение отличается от предыдущих тем, что в нем звучит разочарование автора от встречи с чем-то родным и близким для него:

И летел из прошлого
поезд слепой.
 Будто в долгий обморок,
 в метели нырял...
 Есть такая станция –
 Первая любовь.
 Там темно и холодно.
 Я проверял [С. 173].

Поэт увидел совсем не то, что жило в его памяти: «Ах, как замело всё! / Как замело!...».

В стихотворении «Где-то далеко...», положенном на музыку Микаэла Таривердиева (оно еще называется «Песня о далекой Родине»), Рождественский тоже проводит подобное сравнение с памятью, занесенной снегом:

Где-то далеко, в памяти моей,
 Сейчас, как в детстве, тепло,
 Хоть память укрыта
 Такими большими снегами [2. С. 45].

Светлые воспоминания о том, что было когда-то, греют душу поэта. Прошлое прекрасно, но его «замело всё», оно укрыто «большими снегами».

В этом стихотворении лирический герой просит самую малость:

Берег мой, берег ласковый,
 Ах, до тебя, родной, доплыть бы,
 Доплыть бы хотя б когда-нибудь.

Память рисует любимые картины родного края:

Где-то далеко, где-то далеко
Идут грибные дожди.
Прямо у реки, в маленьком саду
Созрели вишни, склоняясь до земли.

Герою только «доплыть бы», словно прикоснуться, – и ничего больше.

Поэту лишь бы увидеть «краешком, тонкой линией» свой родной и ласковый берег. Поэтому он просит:

Грусть моя, ты покинь меня!
Облаком, сизым облаком
Ты полети к родному дому.

И продолжает: «Берег мой, покажись вдали...».

Сам автор словно и есть эта грусть, которая хотела бы увидеть «краешком, тонкой линией» родную землю. Грусть как бы заполнила всего человека, его мир, душу и сознание. С одной стороны, он хочет туда, где «идут грибные дожди» и «созрели вишни, склоняясь до земли», а с другой – понимает, что это непреодолимо далеко и уже укрыто «большими снегами». *Родной берег* в данном стихотворении – это что-то живущее в памяти поэта, недостижимое и не способное к повторению, как первая любовь.

Герой хочет забыться от душевной боли: «Ты, гроза, напои меня / Допьяна, да не до смерти».

Из стихотворения 70-х годов «Вернуться б к той черте, где я был мной» следует, что родной берег для Рождественского – это та черта, за которой он может быть самим собой:

Где все впервые:
светлый дождь грибной,
который по кустарнику бежит.
И жить легко.
И очень надо
жить! [С. 280].

Снова автор представляет себе грибной дождь и снова память «укрыта снегами»: «Вернуться б к той черте, / где я был мной. <...> / А где она? / Какими вьюгами заметена?» [С. 281].

На *родном берегу* автор всегда будет услышан и не останется в одиночестве. Из стихотворения «Человеку надо мало» мы узнаем, что для этого необходимо, «...чтоб искал / и находил. <...> / Чтоб жила на свете / мама. <...> / Лишь бы кто-то дома / ждал» [С. 310–311].

Но поэт не ограничивает свой мир друзьями и родными, он постоянно чувствует связь со всеми людьми: «Утром свежую газету – / с Человечеством родство» [С. 310].

В стихотворении «Прилет» мы вновь встречаемся с Москвой, как с «родным берегом» автора. Свои чувства поэт описывает так: «Настроение – / словно тебя спасли. / Состояние – / будто впервые влюбился» [С. 326].

Рождественский даже удивляется надписи «Москва»: «Будто это / может быть / не Москвою» [С. 327].

В стихотворении 80-х годов «Помогите мне, стихи!» автор мечтает «выплыть» на берег, вновь обрести свой голос:

Помогите мне
остаться
до конца
самим собой.
Выплыть.
Встать на берегу,
снова
голос
обретая.
Помогите...
И тогда я
сам
кому-то помогу [С. 405–406].

Важно отметить, что это бесспорно автобиографическое стихотворение, связанное с теми изменениями, которые начали происходить в стране со второй половины 80-х годов.

Рассматривая образ «родного берега» в поэзии Рождественского, мы не можем не сказать о том, как важны были для автора чувства и переживания других людей, в том числе и тех, которые были разлучены со своей Родиной. Поэтому обратимся к стихотворению «Кладбище под Парижем», о судьбе русских эмигрантов, умерших на чужбине, вдали от своего *родного берега*: «Не стало и Родины. / Сердца не стало. / А память / была...» [С. 409].

Родина для этих людей была сердцем и душой. Поэтому автор легко представляет себе, о чем мечтали те, кто похоронен на Сан-Женевьев-де-буа:

Как они после –
забытые,
бывшие, –
все проклиная и нынче, и впредь,
рвались взглянуть на нее –
победившую,
пусть –
непонятную,
пусть –
непростившую,
землю родимую!
И –
умереть...

Здесь можно заметить переключку с стихотворением «Где-то далеко...», где герой, также находящийся на чужбине, просит: «Берег мой, покажись вдаль, (...) / Ах, до тебя, родной, доплыть бы» [С. 45].

В стихотворении «Кладбище под Парижем» говорится о людях, которые мечтали *хотя бы взглянуть* на родимую землю. У лирического героя стихотворения «Где-то далеко...» память была «укрыта снегами», но в ней было «как в детстве тепло». У русских изгнанников тоже осталась только память. Но их надежды на встречу со своим *родным берегом* умерли вместе с ними: «Здесь похоронены / сны и молитвы. / Слезы и доблесть» [2. С. 408].

Хотя до последнего часа их не покидала мечта вернуться на Родину:

Как же хотелось им
в Первопрестольную
въехать
однажды
на белом коне!..

Отметим еще одну очень важную переключку со стихотворением «Где-то далеко...». В нем поэт пишет: «Я все гляжу куда-то в небо, / Как будто ищу ответа...».

И в финале «Кладбища под Парижем» взгляд Рождественского устремлен вверх:

Полдень.
Березовый отсвет покоя.
В небе –
                                российские купола.
И облака,
будто белые кони,
мчатся
                                над Сан-Женевьев-де-буа [2. С. 410].

Может быть, автор думает о том, что боль тех, кто покоится в этом месте под Парижем, в виде облаков долетает до родного дома. И облака – это белые кони, которые примчались сюда за теми, кому они верно служили раньше, чтобы они хотя бы теперь могли вернуться на Родину. Ведь у Рождественского так часто встречается неопределенная временная семантика: «Доплыть бы хотя б когда-нибудь».

Отсюда и уступительный оттенок значения. Представители белой эмиграции ведь так «...рвались взглянуть на нее – / победившую, / пусть – непонятную, / пусть – / непростившую, / землю родимую!».

Рождественский остро ощущал родство со всем человечеством, ему не были безразличны страдания других людей, разлученных со своей Родиной.

Свой берег он называет судьбой, чудом, вершиной до самых звезд, сердцем, родимой землей, на которой «жить легко и очень надо жить».

Стихи и песни Рождественского – это тоже берег, *родной, ласковый* и спасительный для любителей его прекрасной поэзии.

Литература

1. *Рождественский Р.* Фотография поэта. Сборник стихотворений. М., 1998. Далее указ. только стр.
2. Песни на стихи Р. Рождественского М., 1982.

*Московский педагогический
государственный университет*